ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?
А ТЕХ, КТО В НЁМ?

Так получилось, что только сейчас привелось прочитать в пустопорожней уже и тогда газете «Известия» (от 5 октября и 7 декабря 1990 г.) статьи некоего Эд. Поляновского «Последняя» и «Без грима» - якобы о покойной известной актрисе МХАТа А.П. Георгиевской, а на самом деле - направленные прямо против самой (ай, Поляновский, знать ты силён!) Татьяны Дорониной, - статьи на редкость злобные, гнусные, фальшивые и подловатые! Ответственно это могу сказать, так как не только долго лично знавал покойную, но и чем дальше тем больше преклоняюсь перед феноменом Дорониной — лучшей русской актрисы современности. Георгиевскую знал с 70-х годов - со своих ещё студенческих лет, а с Дорониной вообще мало знаком (но тем ценнее!)...

Вообще-то не хотелось бы много отвлечённо распространяться об этих писулях Поляновского (много чести!), пройдусь только прямо по тексту.

Ну и что, что театр представлял Георгиевскую к высшей тогда государственной награде!? Актриса она была яркая, очень даровитая, но до стилевой культуры она, увы, не допёрла, т.е. ЯВЛЕНИЕМ не была. А звание Героя Соцтруда горбачёвцы тогда уже всем раздавали: и Смоктуновскому, и Прудкину, и Баталову, и Анненкову, и Никулину... - так что надо было бы и ей, тем более что их-то уж она была интереснее в 18 раз, - но вот не пришлось удостоиться! Впрочем, «звезду» эту она себе не выплакивала, да и Геройство это - оно скорее больше нужно было театру, чем ей! И потом: ЧТО это у Поляновского за фразейка: «Я думаю, что она всё же более русская актриса, чем советская, и в жизни (по характеру), и на сцене (по ролям своим)»?? Вот оно что, оказывается!! Но не подумать ли ему лучше над тем, что АНТИСОВЕТИЗМ - ЭТО НЕНАВИСТЬ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ!! Только-то и всего что - НЕНАВИСТЬ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ, и ничто другое. И один из многих ненавистников её, русской культуры, - это есть он, Поляновский!..

Автор стелет про Георгиевскую: *«Непредсказуемая, анархичная, иногда вздорная»*, а она, прежде всего, была очень недобрым человеком. Бездушным. Неискренним. Самодовольным. С переоценочкой себя. Псевдообаятельная. Играла, да, ярко - потому что была пронизана передовой мхатовской культурой (с настоящими мхатовскими актрисами вообще никто не может сравниться!). КАК это так, и ЧТО это такое - никто ещё в мире лучше не сказал, чем некий «М. КОВРОВ» в своей ослепительной, прелестной статье гениальной из «Нашего современника» (№ 7, 1990 г.). Я хожу весь чёрный от зависти! Одни его уже эти строки, просто обессмертившие незабвенную актрису Ленникову - чего стоят!! А от себя, своими словами, могу только добавить, что собственно Георгиевская оттого оставалась такой яркой, что крепко помнила нагайку Немировича и Станиславского! Впрочем, они её в Художественном ВСЕ крепко помнили - потому так долго и не разваливались!..

Актриса Московского Художественного театра Анастасия Павловна Георгиевская была - изначальная, изнародная, из самого сердца народа!

Но ей ещё и Геройство... - да она и так правительственными побрякушками не была обделена!

«НЕ СОВЕТСКАЯ», - Георгиевская не только бы удивилась, но ещё и прилюдно обложила бы Поляновского известными словесами в знаменитом изящном русском «жанре» (покойная владела им в том совершенстве, с каким мастерицы-искусницы вышивают бисером по бархату!). А в хорошую минуту - могла бы порассказать, как осенью 41-го года, совсем ещё девчонкой назначенная горкомом партии ответственной за эвакуацию МХАТа, - металась по двору Художественного, озабоченная только спасением мхатовцев и мхатовского добра-скарба, а в это время Кедров с Петкером тоже метались по двору театра - не зная куда им запрятать саквояжи с бриллиантами. *«Это они ТЕПЕРЬ все-всё забыли, а тогда я им всем была нужна, я даже попугаю Топоркова цукаты раздобывала...».* А я тогда слабо кумекал, это только сейчас до меня доходит, ЧТО у Насти за этим стояло: *«Я в партию не за пайками пошла (я тогда, грешный, ещё подумал - что уж лучше бы ты за пайками пошла в партию!). Случись что завтра со страной - я опять в сапогах и с лопатой, со всеми...».*

Поляновский именует её «великой», «выдающейся»... Ни великой, ни, скромнее, выдающейся - она не была. Во МХАТе вообще никогда не было великих актёров! Единственной великой актрисой за всё столетие Художественного театра была и есть всё та же Доронина.

Ровно тридцать лет назад Алиса Георгиевна Коонен говорила мне с хорошей усмешкой: *«Доронина молодец: она им там всем устроит ШАГОМ МАРШ!».*

...Пробыв до самого своего конца во МХАТе 50 лет, Георгиевская знала всех, как облупленных, с нею «было о чём поговорить», но такой слащавости, как у Поляновского в статьях, - она не ведала! Слащавости, пустопорожности и пошлости (*«пожизненная подруга Станиславского, замечательная актриса Лилина, которую очень любил Чехов, так и не стала Народной СССР»*). То есть - так понимай, читатель: что она очень стремилась, прямо проходу не давала Калинину и Сталину с Енукидзе-лолиточником, палатку раскинула около Спасской башни, чтоб их отслеживать, но - «так и не стала»...

Прочих ужасов, которые накручивает Поляновский в своих липких статейках, я как-нибудь ещё коснусь в отдельной большой статье своей, специально посвящённой беззаветно мною любимой Дорониной. Не хватало, чтоб имячко это пресветлое и благословенное лапали всякие поляновские... - птичку мою, - да я за неё зарежу!

Здесь же - не удержусь, чтобы не сказать, что подпихнутые, как головёшки в костёр, который Поляновский пытается развести под Дорониной, актёры Голиков, Борзунов, покойный Бурков, Михайлов, Горюнова, Пузырев, особенно Колчицкий и особенно Трошин, всех которых автор подаёт как НЕЧТО (но которые НИКТО и звать их НИКАК) - они всегда были балластом, и именно как балласт были уволены руководством театра! Дело это самое обычное, театр - не богадельня. Ирина, правда, Акулова - она замечательная актриса, подлинная, что называется «из настоящих», но она ещё очень молодая, она не потеряется, в любом другом театре тоже будет украшением. Так что о чём ей тужить - при её-то таланте!! (Я сам видел: приходит к Дорониной, а та баба жалостливая, отходчивая - опять зовёт в театр)...

Но вот горько до слёз за память о незабвенной Изольде Извицкой — милостью божией актрисе: «Пила, муж бил». Клевета всё это: они, действительно, расстались с Эд. Бредуном, но оставались в хороших отношениях, Бредун часто звонил ей, справлялся, заботился, беспокоился. Говорили они по телефону и в день её смерти, а погибла она оттого, отчего всегда гибли тонкие люди...

Она ведь была самой блестящей актрисой советского кино 50-х годов - «королевой», как бы раньше сказали! Привыкла беспрекословно первенствовать, да и была актрисой

огромного невероятного таланта, а приходилось довольствоваться уже ролями «подружек» главных героинь. (Помнится, в своём, кажется, уже последнем фильме она идёт с этой до ста лет цветущей Касаткиной «под ручку», та горланит: *«Морозова, Морозова!»*, а Извицкая скромненько улыбается...). Вот и всё.

(Доронина тогда тоже докатилась до роли «подружки» самой Люды Гурченки в каком-то нудном забытом фильме. Но Доронина тут же спохватилась, послала всех-всех в очень-очень дальнем направлении - и переехала во МХАТ, но Извицкая - только лишь на тот свет).

В той же самой своей ненависти Поляновский приплетает и ни к чему здесь непричастного «сына Качалова». Мало было унижений самому Василию Ивановичу, которому и в смерти не простили юношеских «белогвардейских» штучек любимого сына (распорядились, например, хоронить знаменитого отца не со сцены Художественного театра, лучшим украшением которой он был полвека, а из Школы-студии; при выносе, в дверях, вывалили тело из гроба, и т.д.)... Так теперь ещё и Поляновский мстит Качалову - всё за тот же его аристократизм духа.

А якобы «знаменитый мхатовец», который «приветствовал на коне Деникина», - он, кстати, был всего лишь навсего непутёвым сыном прославленной актрисы М.М. Блюменталь-Тамариной, а к МХАТу имел такое же отношение, как и я - к Чан Кайши или как сам Поляновский - к Виндзорской династии...

А как глупо и подло утверждать, что *«в театре оказалось две Народные артистки СССР. Два, можно сказать, лидера. Формальный и неформальный...»* и т.д.!! Доронина есть Доронина, а Георгиевской - той никогда ничего было не нужно, кроме как только нарезаться втихаря и похулиганить. Это знали все в театре.

(В театре - это пострашнее, чем у домны стоять: то ли обожжёт, то ли нет, а в театре - всегда!)

Кстати, Настя этому Поляновскому и за Качалова бы вломила: старик ласково относился к ней, выделял, как-то однажды сунул ей, стоявшей на выходе, свою карточку - «Георгиевской Насте - на память, на счастье. Растите - цветите, горите - светите»...

«А статья Нины Андреевой больше месяца висела. Разговор был - «ещё неизвестно, как повернётся...»». - Поляновский, он что, стукач что ли?? И к тому же если бы в доронинском МХАТе «больше месяца» висела не известная статья прозорливой Андреевой, а кровавая палаческая статейка «коммуниста с человеческим лицом» (а по-моему - с антисанитарным!) того самого Яковлева Александра Николаевича, крашеного старого хромандыля, статейка ещё аж 1972 года, но принципами которой он тоже до сих пор не поступается, - то я не сомневаюсь ни мгновения, что Поляновский сегодня и ухом бы не повёл не только на нелепую смерть старой актрисы, но и на то, как даже бы Ефремов окочурился, поскользнувшись на собственной блевотине где-нибудь на чёрном ходу! (И я воображаю, как на его панихиде неунывающая Доронина могла расплакаться бы: «Я этого не хотела!», а окружению своему тут же бы тихо шепнула: «Переезжаем завтра». Ведь больше всего ей хочется, конечно, - это перебраться со своим театром в Камергерский переулок, а не торчать в этом крематории на Тверском бульваре! Впрочем, там - самый лучший в стране театральный зал и самая лучшая в мире акустика, - так считали самые лучшие наши актёры. И очень завидовали Дорониной, сами мне говорили: что та в таком зале может даже шептать, а всё слышно).

Алиса Коонен, Викланд, Бабанова, Анджапаридзе.., т.е. первачи из первачей, - безоговорочно понимали и принимали Доронину как свою последовательницу, а себя - как её предшественниц.

...Неточность слов всегда идёт от неточности мысли: никакая на той афише у Дорониной не «томная улыбка», а - обыкновенный голливудский рекламный оскал, - но я бы на месте Поляновского ни за что на свете не позволил себе сказать нелюбовно о Дорониной - из одной только благодарности за её великое дарование, за её великую

преданность публике, за все те прозрения, ослепления, просияния, радости и восторги, которые публика пережила от её солнечного творчества и которые она продолжает доставлять народу!! Вот уж поистине *«...да забыли про овраги»*, т.е. про публику, которая именно Дорониной дозволяет собою повелевать, как той ни заблагорассудится! Публика-то эта никогда и не предаст Доронину, а Поляновский с разумностью старого аптекаря что-то там пытается... - да только всё это у него скучно, мелко, хищно и неинтересно.

Георгиевская кудлато прожила свою личную жизнь, но и одинокой не была. Никогда! (А некоторые подробности её биографии знала вообще вся театральная Москва). Так что и про «одиночество» покойной - всё у Поляновского враньё. Да и лютое одиночество бывает всегда только в силу неинтересности, а покойная была что называется «вострушка». Она просто жила неинтересно - вот и умерла соответственно: не знала, кому и завещать свой скарб бронзово-полированный: то ли какому-то актёру Власову, то ли «двум детским домам»... (Бабанова, например, та и не думала об этом: знала заранее, что всё равно всё разграбит белокурая компаньонка - от дачи зеленоградской до люстры павловской)...

И жалко, что так расписалась Стриженова. Она ведь очень хорошая актриса! Но вот как-то случайно, проходя мимо доронинского МХАТа, вижу премьерную афишу «Зойкиной квартиры» и очень удивляюсь, что Доронину-Зойку дублирует Стриженова. *«Это Доронина её на Народную тянет, перед пенсией»*, - цинично растолковал мне потом один мой остроумный приятель-театрал.

Эта Стриженова и расцвела-то только у Дорониной! (Недаром же она с нею и осталась). Но вот тот же Немирович, зазвавший в своё время из Ленинграда известную и очень хорошую акимовскую актрису, носясь с нею и поначалу давая ей хорошие роли, потом, намечая репертуарные планы своего театра, отмечал: «Гошева - мелка». Такою и Стриженова всегда была. Я помню ещё их «Дульсинею Тобосскую»: у Дорониной даже в этом дерьме всё было крупно, ярко, принципиально, а Стриженова - именно «мелка». Другое дело, что от зоркоокой Дорониной ничего не ускользает: она не оставляет Стриженову, ценя полезность для театра её - по-настоящему мхатовской актрисы, долго превосходно игравшей чеховскую Наташу. А Стриженова... - очень, очень жалко, что она не широка так! Да и соображения в этих её письмах, за которые уцепился и на которых выплясывает Поляновский - какие-то блёклые, неинтересные, «мелкие»...

Насте (как позволяла Георгиевская себя называть дружески) всё это было бы неприятно.

А уж когда Стриженова вместе с опитой Васильевой Катей напечатали в «Нашем современнике» статьищу «Я выхожу на сцену, как на панель», - то я гарантирую, что за такие слова Станиславский бы их задушил, зарубил топором и зарезал (догнал бы в коридоре, сделал подножку, подсечку и обоих бы ножом испырял!).

...Поляновский разливается о покойной Насте несчастной: *«К юбилею театр ей платье пошил - роскошное, тёмное, с белым жабо».* Враньё всё это. (Тысячу раз так может быть - и всё равно тысячу раз враньё!). Юбилярша и сама могла «пошить», на собственные пречистые, она очень хорошо зарабатывала, больше чем командующий флотом! А то получается, что эта очень хорошая, серьёзная актриса была кем-то вроде ущербной и юродивой поэтессы Некрасовой Ксюши (*«театр ей платье пошил»*), и получается также, что театр после юбилея зажилил «роскошное» платьице (*«она мечтала его выкупить»*), а потом, видите ли, вдруг да и выдал прикрыть им Настины останки... - это при злодейке-то Дорониной!

Ах, как любят ВСЕ прикинуться казанскими сиротами!! И Георгиевская любила тоже, как и «Фуфа» Раневская (которая всегда подвывала, что ей негде свои «юбочки» хранить, а потом вдруг тихо переезжала в кооперативную квартиру, позволить купить которую мог себе только изворовавшийся министр!). Всё, всё враньё. Обе любили поскулить, какие они несчастные и бедные, а сами потом, наверное, по два миллиона запрятали в «Титаник» (поднырнули и запрятали. Вместе с Зыкиной, Пугачёвой,

Бабкиной, Мордюковой и Валькой - «Властилиной». Мне теперь понятно, почему американцы никого к нему не подпускают!)...

Всё-всё враньё у Поляновского!

«И ни одна газета не поместила некролог», «маленькое сообщение в траурной рамке поместила лишь «Вечерняя Москва»». Врёшь, проходимец! А в тогдашней «Советской культуре» официальный подписанный некролог (рядом с пышным некрологом бездарному Тенину) - это про кого, про Пушкина с Лермонтовым, что ли??!

«Никто не пришёл на панихиду». ВСЕ ПРИШЛИ! Помню первой вышедшей и присевшей к гробу Луизу Кошукову - превосходную актрису и большую труженицу мхатовскую, неоднократную партнёршу Георгиевской; пришла Маргарита Юрьева, пришла Елена Хромова, другие хорошие артисты. Не отходила от гроба Людмила Кудрявцева - растерянная, осиротевшая, тоже постоянная партнёрша Георгиевской и её самоотверженная приятельница. А из других театров - незнаменитая, но великая артистка Ирина Соколова с охапкой ромашек, рассыпала их Насте, скромно постояла у гроба подруги; замечательная, искренняя Клавдия Пугачёва (очень жалеющая Настю и, кстати, с большой нежностью относившаяся к Дорониной!). От театра очень хорошо говорила старейшая актриса Галина Калиновская...

...Помню последнюю нашу с Настей встречу, уже случайную, я встретил её около её же дома, она подкармливала ораву беспризорных кошек, а я шёл мимо со своим бульдожкой в ветлечебницу. Постояли, поговорили, она выглядела очень «сохранной», любуясь *(в тексте: любовалась)* моим псом, говорила ему какие-то ласковые слова - и тут же, без паузы, как-то задумчиво-недоумённо: *«Ефремов, Степанова - а? Не пришли на похороны Зуевой, не пришли проститься с великой актрисой!..».* Это было чуть позже её предпоследнего юбилейного вечера, на котором, помню, сидели среди публики и Зуева, и Доронина - обе пришли, порознь, скромно сели среди зрителей. Георгиевской их приход был особенно лестен - она понимала значение этого, этой связи, выше и дороже которой нет ничего для художника, для творца...

Короче говоря, Георгиевская с Дорониной были приятельницами. Это раз. И два! И три!

Но Поляновский ещё, всё только того же страху ради, блефует - выворачивает какие-то национальные вопросы. А вот я его сейчас тогда так поздравлю, пропишу и подмою, т.е. такой засвечу и закачу ему аргументик, на который он всю оставшуюся жизнь не найдётся что ответить, а именно: поляк ли ты, чех, еврей, китаец или негр - важна не национальность, а нравственная окраска. Вон Татьяна Корягина - Фрума из Фрум, а как систематически плюёт в морду Абалкину! А Шафаревич - русский, знаки разные, иероглифы знает, а дурак-дураком! Надо мало знать, а много понимать. (Корягина у меня на плюс идёт! Первым номером!). Нравственная окраска, говорю, важна, а не национальность. Но Поляновскому этого никогда не уразуметь. Да и потом: ежели он «русский» - то я тогда испанский гранд, из кортесов (и Колумб, открыв Америку, докладывал мне, и живу я 500 лет).

Мы так огромны, что к нам никакой национализм не имеет отношения и к нам неприменим! Он касается только какой-нибудь Литвы - окраины хвостатой, пахнущей навозом и вилами. Они там все националисты (и правильно делают: малые нации должны быть такими - это их сплачивает!). А большие нации никогда не ценят себя. Так что - о чём Поляновский скорбит?

Ему и до Георгиевской нет никакого дела! Доронина - неверующий, но она и не церковный, она религиозный человек (т.е., по Толстому, везде и во всём видящий прежде всего духовное!), поэтому-то она и не хочет, чтобы Георгиевская ТАМ огорчалась, поэтому-то и уверяет, что ту все уважали в театре! Но я не Доронина (нам всем до Дорониной - как Гроссману до Толстого!), и я не постесняюсь сейчас сказать даже про усопшую Настю, что она давно потеряла уважение коллег. В театре всегда так, что ярким

артистам всё прощают и относятся к ним с хорошим подобострастием, но уважение... извините, - это другое. Это только невероятную Фаину Шевченко обожали и боялись. И очень уважали. Когда поздней весной 1971 года она умерла забытой «первачами» и Художественный театр палец о палец не ударил, чтобы достойно проститься с «богатейшей, как почитала её Настя, актрисой», - старые рабочие сцены сами поехали, привезли и на руках (а Шевченко и смолоду-то была поперёк себя шире!) внесли её на ту сцену, где она блистала полвека: *«Да уж мы нашу Фаину Васильевну...»* И плакали, и убивались по ней - только самые простые безымянные труженики Художественного театра...

Михаил Иванович Жаров всегда говорил, что самое трудное в театре - это заслужить их уважение.

Георгиевскую же - я бы даже сказал - презирали. В театре её всегда не уважали - за беспринципность. Это особый и тяжёлый разговор.

Так что пусть нам Поляновский, как говорится, НЕ ЛЕПИТ ФАНЕРУ!

Он скорбит о Георгиевской, но метит-то в Доронину. Доронину ненавидит. А АНТИСОВЕТЧИНА, - угрожающе повторяю я, - ЭТО всего лишь и только, что НЕНАВИСТЬ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ! А я терпеть не могу антисоветчину только потому, что терпеть не могу, когда ненавидят русскую культуру! Вот и всё.

Поляновский - он из тех, кто любит похоронить, а потом хорошо вспомнить. Доронина не хоронила, но и не вспоминает покойницу фальшиво-умильно. Доронина с Георгиевской не скучала, с Настей не соскучишься: *«Софроновское «Сердце не прощает» мы в 54-ом году играли, хорошо играли, мы там с Тарасовой пели под гармонь, на ящиках, на гармони я играла. Потом худсовет принимал, Кедров ходит вдоль стола, всех разобрал и отметил. «Михаил, - говорю, - Николаевич, может быть, Вы что-нибудь скажете об исполнительнице одной из главных ролей?». - «А что говорить, - отвечает, - всё это хорошо, но ведь это же театр Сатиры у Вас, а не Художественный». «А, твою мать, - рванула я кофту на груди, - я горжусь, если театр Сатиры, это государственный театр!» - Тарасова бросилась ко мне, обхватила: «Настя, перестань, что ты делаешь!»...*

«Кедров со мной 20 лет не разговаривал, потому что я однажды, здороваясь, назвала его Титову не Марьей Андреевной, а Марьей Ивановной. А когда умирал, пришёл в театр, прощался со всеми, просил у всех прощения. Зашёл и ко мне: «Простите меня, Анастасия Павловна. Мне тогда сказали, что Вы недолюбливаете режиссуру»»...

Человек она была очень неглупый, и по «трезвянке» могла высказывать много тонких мыслей. Как-то мельком, однажды и не назидательно, а прихлёбывая кофеёк и поглаживая любимую болонку Панночку, заметила мне: *«Мысль Станиславского всегда была революционна».*

«Правда, - спрашиваю её, - что Зуева никогда не читала «Мёртвых душ», а Коробочку передрала со своей домработницы Васёны?» - «Нет, - твёрдо отвечала Георгиевская, - Василиса Фёдоровна была очень порядочным человеком».

Кошками, собачками, птичками утешалась Георгиевская, но и одинокой, говорю, отнюдь не была. Никогда-никогда. А живность всякую не показно любила, по-настоящему, это правда. Но и раскисать особенно-то, по этому случаю, не стоит: если человек выкристаллизовал себя до любви к животным, то это вообще ВЫСШЕЕ, на что он способен, это предел человечности! Вот и Анна Маньяни, говорят, предпочитала общество кошек. Это ведь лишь одного того «юродствующего во Христе» знаменитого графа всё тянуло и тянуло ТОЛЬКО к людям. Очень ЛЮДЬМИ интересовался, очень его ЛЮДИ волновали...

Кошка у них там, на проходной доронинского театра, живёт - простецкая, ленивая, избалованная (куржопая такая, на знаменитую ленинградскую актрису Зарубину, мою

любимицу, похожа). *«Как, - праздно интересуюсь у дежурных, - к ней относится Доронина, к этой кошечке?» - «Татьяна Васильевна её любит»,* - отвечают добродушно.

А так у Дорониной, да, ничего нет: ни собак, ни кошек, ни рыбок, ни птичек (ни какаду, ругающегося матом, был такой у Георгиевской, она потом уверяла всех, что продала его Образцову, а на самом деле - продала грузинам-торгашам с соседнего Центрального рынка за приятную сумму). Ничего этого нет и никого нет у Дорониной, это тоже правда. И детей даже нет, ничего нет. У неё есть только ничем не утолимая любовь к искусству! И - ПРИЗВАНИЕ (в жертву которому, при всей своей давней нелюбви к жертвам, она и грохнула всю свою жизнь невероятную!). Тот яснополянский неугомонный старик мечтательно говорил младшему сыну: *«Ах, Серёжа, какие они счастливые - у кого есть ПРИЗВАНИЕ!»...*

Связанная призванием, Доронина не может быть никем в этой жизни: ни торгашкой, ни алкашкой, ни рвачкой, ни дельцом-делягой... - она может быть только русским человеком высокого класса! Потому Бог никогда и не оставляет её - как он никогда не оставлял её народ, для которого земля не грязь и не грех! МЫ НЕ ПРОПАДЁМ. Надо пересесть на землю, картошку и хлеб будем растить (а за них - всё отдаётся!), да на Доронину любоваться - и выживем! «МАКДОНАЛЬДС» - не нужно: ничего, у нас есть зубы, разжуём подошву мясную! Только в России жили, страдали и умрём...

А Георгиевская забыла про свою задачу, - но при чём тут Доронина!?

Евгений ОДИНЦОВ